

Кирилл Василёнок. «Модель в красном с книгой».

Айк МЕЛКОНЯН (АРМЕНИЯ)

Родился в 1970 году в Ереване. Профессиональный фотограф, горный гид. Девять лет работал фоторедактором и фотожурналистом в журнале «Ереван». Сейчас работает в качестве горного гида.

Печатался в журналах: «National Geographic», «Geo», «Conde Nast Traveller», «Ереван», «Ереван Травел», электронных журналах «Медведь» и «Интересный мир». Рассказы печатались в сборниках: «Новые имена», «Тени бытия», «Блокада.ам». Провёл две персональные фотовыставки в Москве и шесть персональных выставок в Ереване, посвящённых Армении. Участник четырёх литературных форумов Союза писателей России для русскоязычных писателей в Армении и форума по журналистике фонда «Русские Репортеры» в Москве.

СОРОК КВАДРАТНЫХ МЕТРОВ ОСЕНИ

Солнце вопреки ожиданиям снова поднялось над горизонтом. Опять я увидел этот круглый, едва светящийся, но не обещающий тепла багровый диск. Уже второй месяц мне не верится, что оно выползет из-за горизонта следующим утром. Не удивительно. Ведь наступила Эпоха Перемен. А с ней и зима. Проклятая зима!!!

Всё изменилось в одночасье. Жизнь стала похожа на плохой постапокалиптический фильм, где нет главных героев, одни только актеры второго плана. И серость...

По привычке взглянув на будильник, я тут же себя поймал на мысли, что торопиться уже некуда. Завод стал уродливым скелетом

испустившего дух чудовища, и торопиться туда уже не было смысла, разве только чтобы узнать, что будет дальше с нами. Но ответ на этот вопрос руководство, скорее всего, ещё само не знало, так что можно было прийти и попозже. Рука по привычке протянулась к стакану на прикроватном табурете, но глотнуть воды не удалось – вода в стакане замёрзла. Заставив себя вылезти из под одеяла, посмотрел в зеркало: «Да-а... выгляжу неважно». Опять спал в пальто. Хорошо, что друзья не видят меня сейчас, похож на бомжа! Небритый... Хотя многие из них сами в пальто явно спали, что поделаешь, если в спальне ниже нуля?!

Кухня тоже не порадовала – она выглядела как пустой холодильник, разросшийся до размеров квартиры. Груда немых тарелок в раковине – нет воды. И жестяная печь... Холодная. «Надо бы затопить её», – подумал я, но, взглянув на запасы дров, добавил: «Когда найду чем...»

Дома никого уже не было, отец, скорее всего, пошёл достать дров, а мать с сестрой снова направились к хлебному магазину, проверить нашу очередь – я стоял там всю ночь и вернулся оттуда лишь пару часов назад. Но если честно, надежды на сегодня было мало. На ум почему-то пришла пекарня около завода. Там, правда, была своя очередь, но, к сожалению, дожидаться хлеба там было практически невозможно – как только к окошку поступала партия хлеба, блатные и «знакомые» тут же выскакивали из дежурящих неподалёку машин и буквально сгребали большую часть хлеба на глазах у негодующей очереди. Случались, конечно, и драки, в попытках отстоять справедливость, но, в целом, увы... наглость всё же брала верх. Сколько раз я, отстояв по нескольку часов, уходил ни с чем!

Получить в лучшем случае один бледный, синюшный матнакаш¹ после суточной очереди на морозе!!! И то... последний принесённый хлеб и вовсе невозможно было есть! От него пахло химикатами! От этих мыслей я невольно сжал кулаки. Надо что-то делать!

Всю двухчасовую дорогу до завода, скользя на льду и проклиная всё на свете, я думал о хлебе. Пройдя через проходную, я направился в электроцех, узнать новости.

Электрики и инженеры сгрудились у костра из промасленных картонок, разожжённого прямо в центре цеха. Говорили о войне... Я подошёл и протянул озябшие пальцы к языкам пламени. Тусклые, коптящие языки пламени едва согревали.

– Чего такой хмурый?-- спросил один из старших электриков.

– Да снова всю ночь в очереди простоял, а хлеба до сих пор нет. Наши ещё не вернулись домой, видно дальше стоят.

Электрики заговорщически переглянулись.

¹Матнакаш – вид хлеба в Армении (буквальный перевод – «хлеб, разламываемый пальцами»).

– Слушай, – сказал один из них, – ты тут самый молодой... Давай-ка одно дело провернём? Хлеб нужен?

Я резко обернулся к говорящему:

– Конечно! А что за дело?

– Есть одно предложение... так сказать бартерный обмен. Сможешь проверить?

– Ну-у... Я не знаю... Никогда не пробовал. А что надо делать?

– Слушай, я тут вчера говорил с кочегаром хлебозавода... Так вот, они паёк хлебом получают! А мы сигаретами! Соображаешь?!

– Ну да-а... Так в чём тогда проблема? Обменяемся! – обрадовался я.

– Не всё так просто! Они не могут обменять паек вне завода – ты представляешь, что начнётся, если увидят?! А на заводе тоже, патруль ходит... Да и через стену там надо перелезть, нам не под силу! Ну?! Возьмёшься?

Все испытующе посмотрели на меня. Не очень радовала перспектива делать что-то «незаконное», за что может схватить патруль, но образы людей, дни напролёт стоящих на снегу, переминаясь с ноги на ногу, тоже не выходили из головы...

– Надо попробовать, – неуверенно ответил я. – Не попасться бы...

– Не дрейфь! Просто будь осторожнее... и всё! – сказал подбадривающе другой электрик. – Будь я помоложе, сам бы слазил туда...

Долго уговаривать не пришлось. Я переоделся в рабочий бушлат и спецовку, рассовал сигареты по карманам и пошёл с одним из электриков к забору.

– Смотри, вот отсюда поднимаешься по стене, дальше, цепляясь за сетку, поднимаешься до крыши подстанции, ну а там уже всё легко...

– Ладно, – ответил я и начал уверенно проходить весь описанный путь по уровням, почти как в компьютерной игре, когда тебе у тебя есть подсказки. Спустившись по «ту» сторону забора, я вопреки ожиданиям попал не на хлебозавод, а в простенок между двумя заводами шириной метра три-четыре, длиной метров десять. На «нейтральную полосу». Это сравнение тут же родилось в голове. Самое удивительное было то, что на «нейтральной» полосе... была глубокая осень! Листья, опавшие с растущих тут же четырёх деревьев, покрывали всё пространство. И не было снега! Видимо, проходящая тут теплотрасса создала свой уникальный микроклимат. И ещё здесь не было мусора и грязи, как будто сорок квадратных метров ничейной осени, ничейного осеннего леса, случайно забыли между близкими стенами серого, сошедшего с

ума города. Сбитый с толку неожиданной находкой, я полез на стену хлебозавода, к большой дыре в сетке.

– Видать, уже найденная тропа, – подумалось вдруг.

Подтянувшись, я осторожно заглянул через сетку во двор хлебозавода. Тихо. Патруля нет. Я прикинул в уме, за сколько времени смогу слезть, за сколько пробежать до кочегарки и за сколько вскарабкаться обратно. Ну, с богом! Я рванул из всех сил, перелез через стену и спрыгнул вниз. Сердце бешенно колотилось. Мне казалось, что сейчас из-за угла выйдет патруль и схватит меня.

Кровь стучала в висках. Я пробежал до кочегарки и нырнул в темноту. Когда глаза привыкли, я разглядел старого человека, дремлющего у горячей печи.

– Ты Карлен? – выдохнул я.

– Да, – ответил старик спросонья, разглядывая меня. – Чего надо?

– Я от Артака, вот, сигареты принёс, на обмен.

Старик достал из-под стола картонную коробку, замотанную старым пледом:

– Вот, держи. Ещё тёплые! Завтра к часу приходи... Только что из печи будут!

Он достал семь матнакашев и помог уложить их в тряпичную сетку. Я, пьянея от запаха свежее испечённого хлеба, протянул ему семь пачек сигарет. Обмен состоялся.

– Подожди тут, – сказал старик. – Я на улице гляну.

Он вышел на улицу и появился через пять минут:

– Всё чисто! Иди!

Я осторожно высунулся на улицу. Кроме серой зимы там по-прежнему ничего не было. В сопровождении кочегара я дошёл до дыры в сетке, и пока он «стоял на шухере», я перебрался в ничейный мир.

Здесь всё было так же здорово, и не хотелось уходить. Я позволил себе минут десять побродить по опавшим листьям и, распростившись с «затерянным миром», тем же путем вернулся в серую действительность, победно неся добычу – ХЛЕБ!

Ребята в цеху встретили меня одобрительными возгласами:

– Молодец! Вот видишь, у тебя все получилось!!!

В этот день каждый из нас понёс домой по хлебу! Вечером дома был настоящий праздник: мама и сестра, в очередной раз отстояв в очереди и вновь не купив хлеба, внезапно увидели дома матнакаш.

Так я стал курьером, ежедневно совершающим обмен и добывающим Хлеб. Но, скажу честно, не только хлеб теперь манил меня...

Так продолжалось почти до самого конца Блокады, чуть не погубившей страну.

*Прошли годы, блокада закончилась, и жизнь снова наладилась.
Затерянный мир, наверное, и сейчас находится где-то там,
между двумя заборами.*

*Но я выжил, в отличие от многих, благодаря Хлебу и тайному
миру, питавшему меня надеждой, что всё пройдёт...*

УВИДЕТЬ СЕВАН И УМЕРЕТЬ...

Ночной Гавар был тёмен и неприветлив. Ни огонька в домах и на улице, лишь холодные лужи, в которые я периодически попадал ногами.

– Вот здесь и будешь жить, – сказал сопровождающий меня парень, указывая на ворота дома.

Мы постучали. Двери открыла сухонькая старушка и пристально осмотрела сперва Геворга, потом меня.

– Ануш тати, – сразу сказал Геворг, – вот про этого парня я тебе и говорил. Он культурный, не пьёт, не курит. Весь день будет на работе и только под вечер будет приходить. Ты уж покорми его чем есть.

– Заходите, – сказала Ануш тати без какой-либо интонации в голосе.

Я несколько смутился, не зная как себя вести.

Мы вошли, и я положил рюкзак на дощатый пол.

– Твоя комната вон та, сынок, – обратилась ко мне она. – Геворг джан, кофе выпьешь?

– Нет, спасибо, Ануш тати, я побегу – дел много. Оставляю тебе гостя. Ну, всё, пока! – сказал Геворг и выбежал.

Мы остались один на один. В воздухе повисла неловкая тишина. Старушка не торопилась что-либо говорить, а я не знал, что и сказать. Старушка первая нарушила молчание:

– Поесть хочешь, сынок? С дороги небось... – затем, не дожидаясь ответа, добавила: – У меня яйца домашние, вон, куры несут. Сейчас схожу.

Я действительно был голоден и сильно противиться не стал...

Я жил у Ануш тати уже неделю, и по вечерам, после ужина, почему-то повисала неловкая тишина. Старая женщина была крайне несловоохотлива. Телевизора в доме не было, радио тоже. Плюс постоянные проблемы с отключением света. Немудрено – на дворе был 1994 год. Блокада. Нам приходилось коротать вечера при зажжённой свече около печки – в других комнатах было холодно. Ануш тати неспешно вязала.

Однажды, вернувшись на ночевку после долгого трудного дня, я неуклюже попытался поддержать разговор вопросом:

– Ануш тати, а ты на Севане была?

Она отложила вязание и взглянула на меня полными печали глазами:

– Нет, сынок...

– Как?! – удивился я. – Ведь ты живёшь лишь в трёх километрах от озера?! Неужели никогда? Как такое может быть?

– Никогда, – повторила она.

Видимо, заметив в моих глазах сомнение, старая женщина продолжила:

– Когда я была ещё ребёнком, отец часто ездил на Севан. Но меня никогда с собой не брал – говорил, мала ещё, нечего таким маленьким на Севане делать. Севан озеро суровое, с норовом! Говорил так и уезжал. А я стояла у ворот дома и провожала его взглядом, пока он не растворялся в полуденном знойном мареве. Он работал в рыболовецкой артели. Когда по вечерам он привозил ещё живую, трепыхающуюся рыбу, я с интересом рассматривала её, водя пальцами по радужной чешуе. Она пахла водой и ветром. И мне так хотелось увидеть это всё!!! Ещё я гордилась, что по удачному совпадению отца звали Гехамом, а озеро Севан в народе ещё называют Гехамским морем. Мне это очень нравилось, и я часто повторяла про себя – Море Гехама! Придя домой, он, как обычно, отдавал рыбу матери, а сам шёл мыться и отдыхать. Но вот однажды отец не вернулся. Я ждала его у ворот. Уже темнело. Мать тоже тревожно поглядывала на ворота. А он всё не шёл. Внезапно ворота распахнулись, и во двор зашёл дядя Петрос – директор артели. Почуввав неладное, мать выбежала из дома.

– Где Гехам? – срывающимся голосом спросила она.

– Гехам больше нет. Утонул Гехам, – ответил Петрос, не в силах поднять глаза.

Мать завывала как полоумная и рухнула на землю с криками:

– Севан забрал его!!!

Я подбежала к ней и обняла. Она мелко тряслась от рыданий. Обнимая её, я вдруг представила себе, как тёмно-синяя, водянистая рука хватается папу за ногу и тянет на глубину. Мне стало страшно. Так наш дом опустел. По вечерам мать замыкалась в себе и больше не смотрела на ворота. Я же временами украдкой поглядывала, а вдруг...

Прошли годы... Я выросла. Наша комсомольская ячейка задумала поехать на берег Севана. Юноши и девушки громко смеялись и радовались этому событию, предвкушая веселье. Я тоже с приподнятым настроением прибежала домой, чтобы отпроситься у матери. Мать сразу же изменилась в лице, как только услышала мою просьбу. Ответом был категорический отказ. Я и просила её, и умоляла, но мать была непреклонна. Утром вся ячейка уехала на берег Севана, а я осталась дома. Глубокая обида на мать терзала меня, и я стояла у ворот, не

скрывая слёз. Но мать даже не повернулась в мою сторону. Обида на мать затаилась в душе до самой её смерти, и лишь когда она умерла, я простила её.

Прошло ещё несколько лет, и мать меня выдала замуж, и сама через год померла. Не скажу, что по любви, но человек был достойный, уважаемый, на двенадцать лет старше меня. Не успела я оглянуться, как родилось три сына. Хлопот было полон рот. Я нигде никогда не работала, но работы по дому было полно – до вечера едва управлялась. Дети росли. Однажды я поймала себя на мысли, что очень хочу увидеть Севан. Я подошла к мужу и сказала ему о своей просьбе. Он бросил колочий взгляд на меня и резко сказал:

– Тебе что, работы по дому мало? Займись лучше домом!

Я молча отошла и больше к нему с этим вопросом не подходила.

Шли годы. Муж умер. Дети разлетелись кто куда, лишь изредка давая о себе знать – кто из Томска, кто из Москвы, кто из Минска. Я осталась одна. С скромной пенсии хватало ровно настолько, чтобы вместе с продуктами с огорода дотягивать до следующей пенсии. Теперь спина уже не разгибалась от работы на грядках, да и здоровье становилось всё хуже. Советский союз развалился. Началась блокада. Теперь ещё эти отключения света и холод. Вот так сынок и получилось, что я, живя почти на берегу Севана, ни разу его и не увидела.

Ануш тати расправила сморщенными руками серый фартук на коленях и стала кочергой помешивать дрова в печке. Её глаза снова потускнели, и, видимо, она ушла далеко в свои мысли, в беззаботное детство. Нависшая тишина стала ещё более давящей. Мне было невероятно жаль её и захотелось сделать что-то доброе, от всего сердца.

– Ануш тати, – сказал я. – А давай я повезу тебя на берег Севана! Завтра возьму такси и повезу тебя туда!

Я был горд и счастлив от произнесённого.

Она как-то печально посмотрела на меня:

– Спасибо, сынок, но знаешь... уже и не хочется, – она отвернулась, чтобы я не увидел её слёз.

Моя работа подошла к концу. Я простился с Ануш тати, она мне печально улыбнулась, напутствуя в дорогу.

– Ануш тати, я вернусь на следующий год и всё же увезу тебя на Севан! – сказал я. – Ты должна его увидеть!

Я вернулся через год, как и обещал. Ануш тати уже не было в живых. Может, теперь, сверху, она увидит свой Севан.